

ЗАКОН О ЗАЩИТЕ ЧУВСТВ ВЕРУЮЩИХ В ИСТОРИКО-ПРАВОВОМ КОНТЕКСТЕ (Статья вторая)¹

© 2016 г. Орест Владимирович Мартышин²

Федеральный закон от 30 июня 2013 г. рассматривается в сравнении с законодательством о цензуре и религиозных преступлениях в дореволюционной России и за границей. Закон оценивается как одно из средств установления привилегированного положения "традиционных религий".

Federal law of 30 June 2013 is compared with legislation on censorship and crimes against religion in prerevolutionary Russia and foreign countries. The law is regarded as one of the means to establish privileged status for 'traditional religions'.

Ключевые слова: религиозные преступления, цензура, свобода совести, светское государство, религиозное объединение.

Key words: crimes against religion, censorship, freedom of conscience, secular state, religious association.

* * *

Сопоставим Закон от 30 июня 2013 г. с приведенным в статье первой беглым и неполным обзором исторических и сравнительно-правовых сведений.

Создается впечатление, что в законодательство современной России возвращается институт преступлений против веры. Составы, предусмотренные ч. 1 и 2 новой редакции ст. 148 УК РФ, соответствуют богохульству или порицанию веры, совершенным при свидетелях, публично или в церкви, дореволюционного законодательства, а все эти преступления относились к разряду религиозных. Разумеется, размах уже не тот, вместо 81 статьи – всего одна. Да и строгость не та: максимальная мера ответственности – не 15 лет каторги, а всего лишь 3 года лишения свободы. Гуманизация уголовного права в сравнении с Уложением о наказаниях Николая I очевидна. Царское законодательство оберегало от посягательств на государственную церковь или (в лучшем случае) христианское вероучение. В проекте закона 2013 г. речь шла о традиционных для России религиях. Однако это положение было исключено из окончательной редакции, по буквальному смыслу которой защита должна быть предоставлена лю-

бой религии. И это – тоже завоевание в сравнении с началом прошлого века. Более того, авторы Закона 30 июня 2013 г. выполнили либеральный замысел, который из-за неодобрения Святейшего Синода и Государственного Совета не удалось осуществить редакционной комиссии по составлению Уголовного уложения 1903 г., полагавшей, что преступления против веры следует относить к посягательствам не на государственные, а на общественные интересы. Закон 30 июня 2013 г. пошел еще дальше, отнес оскорбление религиозных чувств к преступлениям против личности.

Этот подход сродни тенденциям, наметившимся в ряде современных государств, где уголовное преследование за богохульство, кощунство, святотатство отмирает и уступает место борьбе с оскорблениями граждан и групп общества или возбуждением ненависти на основе принадлежности к религии. Именно эти тенденции нашли подтверждение в рекомендациях ПАСЕ и Венецианской комиссии. Однако сходство позиций России и ПАСЕ по данному вопросу относительно. Они двигались, казалось бы, навстречу друг другу из разных исходных точек. Запад избавлялся от наследия государственной религии, декриминализовал преступления против веры, смягчал наказания. Россия, не знавшая государственной религии в точном смысле этого понятия почти целый век³, вводила или восстанавливала пресе-

¹ Начало см.: Гос. и право. 2016. № 1.

² Профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор (E-mail: martyshin.o@mail.ru).

Orest Martyshin, professor of Department of theory of state and law of Moscow state law University named O.E. Kutafin (MSAL), Doctor of Law, Professor (E-mail: martyshin.o@mail.ru).

³ Аналогия между официальной идеологией марксизма-ленинизма и религией широко известна и вполне оправдана, но не допускает отождествления политической теологии с традиционным религиозным культом и борьбой с богохульством.

дование за неуважение к вере, т.е. шла в противоположном направлении.

* * *

Закон от 30 июня 2013 г. подвергся серьезной критике как на стадии обсуждения, так и после официального одобрения. “Как мне видится, – заявил уполномоченный по правам человека в России В. Лукин, – единогласная инициатива думских фракций не нашла поддержки в гражданском обществе, в том числе и среди религиозных объединений, которые посчитали данный законопроект излишним и, более того, могущим привести к осложнению во взаимоотношениях между разными мировоззренческими группами и различными религиозными объединениями”⁴.

Бросаются в глаза широта и абстрактность определения состава преступления. Если понимать под “публичными действиями, выражающими явное неуважение к обществу”, хулиганские выходки, то они охватываются соответствующим составом преступления, и оскорбление религиозных чувств выступает в данном случае в качестве подвида преступления, его особой направленности. Но ведь под публичные действия при желании можно подвести и выступление в печати или перед достаточно широкой аудиторией с принципиальным отрицанием религии или критическим к ней отношением, которые определенной категорией верующих могут быть восприняты как оскорбление. Вспомним для примера знаменитый тезис К. Маркса “религия – опиум для народа” или еще более давнее заключение Н. Макиавелли “Христианство обессилело, мир, предало его в жертву мерзавцам”, послужившее, безусловно, одним из оснований для запрещения его “Государя” священниками. Ни то, ни другое суждение ни по форме, ни по существу, ни по замыслу не содержит издевки, надругательства. Они выражают негативное отношение к религии. Это – плод анализа, оценки ее исторической роли. Одних эти оценки убеждают, другим кажутся нелепыми, третьи сочтут их оскорбительными, но они стали частью истории философии и мировой культуры. Уголовная кара за оскорбление чувств верующих ставит те же проблемы, что и преследование за богохульство: как сочетать эти меры со свободой совести, слова, научного и художественного творчества.

Историк В.В. Вяткин полагает, что с принятием Закона независимых исследователей прошло-

го (можно добавить, и уж тем более настоящего. – *О.М.*) церкви ожидают трудности. “Большинство верующих, – рассуждает он, – если говорить начистоту, религиозно безграмотны, никакой катехизации не прошли, ничто не мешает им оскорбляться по пустым поводам. Этот Закон для них как искушение”⁵. Но и грамотная церковная иерархия вполне может оскорбиться правдивым описанием негативных сторон своей жизни и деятельности. “Важно защищать науку от инквизиторских поползновений, – продолжает В.В. Вяткин. – А то дождемся, что труд по истории религии не напечатается без согласия духовенства, что уже ожидает вузовские учебники по религиоведению”⁶. Подобные опасения не беспочвенны. До революции закон оберегал от порицания не только православную веру, но и православную церковь со всем многообразием ее деятельности, включавшей и мирские аспекты. Вспомним Н.С. Лескова, возмущавшегося стремлением церкви оградить себя от общественного внимания и контроля. Ныне эти традиции возрождаются. Критика религиозных учреждений воспринимается как надругательство над верой. В феврале 2011 г. Архиерейский Собор РПЦ принял документ “Отношение РПЦ к намеренному публичному богохульству и клевете в адрес Церкви”. (Можно предположить, что он послужил одним из стимулов для разработки рассматриваемого Федерального закона.) Хотя в нем допускалась “критика негативных явлений в жизни земной Церкви”, делалась многозначительная оговорка, что она может использоваться “противниками для оправдания богохульных действий и клеветнических обвинений.., для укоренения в массовом сознании антицерковных идей”⁷.

В связи с нападением на французского журналиста, допустившего сомнительные высказывания о Пророке Мухаммеде, Всемирный русский народный собор 2012 г. заявил, что работники СМИ “должны тщательно взвешивать свои публичные высказывания, не допуская унижения верующих и почитаемых ими символов, имен, личностей, объектов и предметов”. Не включаются ли в перечень запретных для критики объектов и предметов и сами религиозные организации? В сентябре 2013 г. председатель Союза потребителей обществ М. Аншаков в интервью “Новой газете” заявил, что широкая продажа сувениров в храме Христа Спасителя является фактически пред-

⁵ Вяткин В.В. Наука печального образа // НГ Религии. 2013. В III. С. 6.

⁶ Там же.

⁷ Черняев А.В. Церковь объявляет мобилизацию // НГ религии. 2011. 2 марта. С. 2.

⁴ НГ Религии. 2013. 18 янв. С. 6.

принимательской деятельностью. По сведениям прессы, он был зверски избит в центре Москвы накануне Нового года, обвинен в клевете на хозяйственную администрацию храма, утверждавшую, что покупка сувениров – это добровольные пожертвования граждан, и приговорен к штрафу в 100 тыс. руб.⁸

Закон не устанавливает границ между мировоззренческим (философским) отношением к религии, научно-исторической, социальной, политической, художественной критикой религиозных учреждений и намеренным оскорблением чувств верующих. В нем нет упоминания об умысле как необходимом элементе данного состава преступления. Основанием для возбуждения уголовного преследования вполне может служить субъективное восприятие лиц, которые сочли себя потерпевшими. Сколько классических произведений русского искусства, представляющих служителей культа в комическом, сатирическом или просто реалистическом стиле, можно было бы запретить или объявить предосудительными, нереконструируемыми, руководствуясь этим Законом: “Борис Годунов” А.С. Пушкина и М.П. Мусоргского с его “старцами смиренными, иноками честными”, “Ночь перед Рождеством”, “Сорочинская ярмарка” Н.В. Гоголя с далекими от благодати дьяком и попovichем Афанасием Ивановичем, оперы М.П. Мусоргского, Н.А. Римского-Корсакова и П.И. Чайковского, давшие гоголевским персонажам не менее яркое музыкальное воплощение, “Сельский Крестный ход на Пасхе” или “Монастырская трапеза” В.Г. Перова, “Встреча иконы” К.А. Савицкого и многое, многое другое? И это не фантазия! Сообщалось, что в Сыктывкарской епархии РПЦ протестовали против постановки спектакля по сказке Пушкина “О попе и его работнике Балде”⁹. Одному из представителей Ижевской епархии РПЦ не понравился “уродливый образ священника, пьяницы и вымогателя” в спектакле по пушкинской “Метели” в Русском драматическом театре (Удмуртия), и он потребовал от театра извинения за оскорбление религиозных чувств¹⁰. Закон, если бы он применялся в подобных случаях не по отношению к Пушкину, а к современным авторам, оказался бы суровее цензуры. Ведь он не только запрещает, но и наказывает.

Наряду с возможными ограничениями свободы совести и высказывания важнейшим изъяном

или пороком Закона является его односторонняя направленность. Почему защищаются чувства только верующих, а не агностиков и не атеистов? История подготовки и прохождения Закона свидетельствует о том, что это – не пробел и не техническая ошибка, а принципиальная установка. При втором чтении законопроекта был учтен ряд замечаний и поправок. В частности, из текста исчезло упоминание о традиционных религиях, а это, безусловно, важный положительный факт; максимальный срок наказания был снижен с пяти до трех лет лишения свободы. Но предложение предоставить равную защиту любой системе взглядов, любому мировоззрению, не представляющему угрозу для основ государственного и общественного строя, и также для прав и свобод других лиц, было отвергнуто. Между тем оно полностью соответствует принципам правового государства, действующей Конституции РФ и давно получило международное признание.

В 1859 г., выступая на заседании Юридического общества в Лондоне с докладом о нормах права, касающихся богохульства, королевский адвокат У.Д. Льюис поддержал позицию Дж. Ст. Милля, сводившуюся к тому, что если сарказм, брань и оскорбления в отношении христианства признаются незаконными, то с точки зрения логики и морали те же риторические приемы должны считаться столь же незаконными, когда они направлены против неверия¹¹. Милль не разделял атеистических убеждений, “чувствовал себя неуютно с атеизмом”. Он был викторианским агностиком, но считал принадлежность к религии исключительно личным делом каждого человека¹². Отрицание особой защиты религии представлялось Миллю, как, впрочем, и большинству жертв борьбы с богохульством в XVIII–XIX вв., неотъемлемой частью общей борьбы за свободу, гарантией подлинной свободы совести.

Век XX придал принципу равенства юридического статуса религиозных и нерелигиозных убеждений характер нормы международного права. И Всеобщая декларация прав человека (ст. 18 и 19), и европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ст. 9 и 10), и Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 18 и 19) ставят на один уровень свободу мысли, совести и религии; особо выделяют “право на свободу убеждений и свободное выражение их” (ст. 19 Всеобщей декларации или “право выражать свое мнение” (ст. 10 Конвенции о защите прав

⁸ См.: Независимая газ. 2013. 4 февр. С. 1; 2013. 20 мая. С. 8.

⁹ Лункин Р.Н. Верующие в растрепанных чувствах // НГ Религии. 21. III. 2013. С. 7.

¹⁰ См.: Независимая газ. 2015. 15 апр. С. 2.

¹¹ См.: Levy L.W. Op. cit. P. 471.

¹² См.: Berlin I. Four Essays on Liberty. London, 1969. P. 204.

человека). В Пакте 1966 г. для подтверждения этих свобод вводится еще одно положение: “Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору” (п. 2 ст. 18). И ограничения свободы религиозных и нерелигиозных убеждений в соответствии с основополагающими актами международного права также равнозначны. Основанием для них служат уважение прав других лиц, охрана государственной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности населения. Принцип одинаковой защиты не только религиозных, но и нерелигиозных взглядов положен в основу резолюции ПАСЕ “Защита прав человека, касающихся религии и убеждений, и защита религиозных общин от насилия”¹³ и формулируется в законодательстве ряда стран, где сохраняется наказание за оскорбление религии. Так, Уголовный кодекс Испании устанавливает равную защиту верующих и неверующих.

Российский законодатель игнорировал эти веяния, за что подвергся заслуженной критике. “Убеждения и чувства людей, которые сомневаются в существовании Бога или отрицают его существование, заслуживают по меньшей мере того же уважения, как и религиозные убеждения и чувства”, – заявил акад. А. Гусейнов, директор Института философии РАН. Он расценил закон как свидетельство широкого проникновения в общественное сознание внушаемой религиозными организациями неверной и опасной мысли, “будто только вера в Бога – нормальное состояние человека и гарантия его нравственного здоровья”. “Ошибочно думать, что религиозные убеждения и чувства всегда светлы и возвышенны, что они свободны от искажений и деформации со страшными последствиями, – продолжает А. Гусейнов. – Религиозный фанатизм – не пустой звук и не историческое прошлое. А Северный Кавказ и подрывающие себя смертники – не единственное место и не единственная форма такого фанатизма сегодня”¹⁴. К этому суждению уместно было бы добавить, что проникновение в общественное сознание идеологии крупнейших религиозных организаций осуществляется при прямой поддержке и участии государства в целом и законодательной власти. Не менее убедительно и заключение руководителя Учебно-научного центра изучения религии РГГУ Н. Шабурова о том, что Закон о защите чувств верующих превращает атеистов в “людей второго сорта, юридически не равных верующим”¹⁵.

¹³ См.: НГ Религии. 2014. 21 мая. С. 1.

¹⁴ Там же. 2013. 5 мая. С. 6.

¹⁵ Там же. 2013. 5 июня. С. 6.

* * *

Инициаторы и защитники Федерального закона от 30 июня 2013 г., как и борцы с богохульством и другими религиозными преступлениями в прошлом, осуждая оскорбительные (и не только оскорбительные) формы отрицания или обличения религии, игнорируют тот факт, что защитникам и сторонникам религии в неменьшей степени свойственна нетерпимость. Наверное, было бы преувеличением сказать, что она заложена в самом существовании религии. Но трудно спорить с тем, что нетерпимость характерна для наиболее типичных и распространенных форм религиозного сознания и практики или во всяком случае не чужда им. В основе нетерпимости лежит убежденность каждого религиозного течения в своей абсолютной истинности, правоте и исключительности. Эта особенность религиозного сознания констатировалась многократно.

“Всякий верующий... легко верит, что одна его религия владеет абсолютной метафизической и моральной истиной; вследствие этого он хочет навязать свою веру другим”¹⁶, – писал Л. Дюги. Ему вторил М.А. Рейснер: “Каждое из них (религиозных обществ. – О.М.) именно себя считает носителем единой абсолютной истины, а все другие считает неверными, заблуждающимися, еретиками, схизматиками”¹⁷. Современный отечественный исследователь А.В. Пчелинцев полагает, что «мысль о превосходстве “своей” религии над другими является одной из главных в проповеди любого из религиозных направлений»¹⁸. Иудеи, опираясь на Библию, издревле считают себя избранным народом. Но от них не отстают и другие народы. Историк Н. Каптерев (1847–1918) писал в работе “Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях”: “Так сложился у русских взгляд на себя как на особый, избранный Богом народ. Это был своего рода новый Израиль, только в среде которого еще сохранились правая вера и истинное благочестие, утерянные или искаженные всеми другими народами”¹⁹. Грузинские христиане выражают “уверенность в божественной миссии грузинской нации”, в “божественном предназначении Грузии, доказательством чему служит сохранение хитона

¹⁶ Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908. С. 835.

¹⁷ Рейснер М.А. Государство и верующая личность. М., 2011. С. 186.

¹⁸ Пчелинцев А.В. Свобода религии и права верующих в современной России. М., 2007. С. 241.

¹⁹ Цит. по: Урушев Д. Соблазн Третьего Рима // НГ Религии. 2013. 17 апр.

Христова на грузинской земле”²⁰. Армянская Апостольская Церковь называет “сектами” почти все протестантские деноминации, а также нетрадиционные религиозные организации и отказывается от любых отношений с ними²¹.

Такая позиция соответствует чувствам многих верующих. Она не только поддерживается, но целенаправленно воспитывается религиозными организациями. «Отрицать моральную необходимость признания единственной истинной религии, значит занимать позицию, с которой церковь никогда не может смириться, — писал католический священник Дж. Бейерл. — Эта “догматическая нетерпимость” (оценка того же автора. — О.М.) нашла выражение во многих официальных документах Римской Католической Церкви». “И нетерпимости этого рода, — продолжает Дж. Бэйерл, — церковь должна неуклонно придерживаться, если она не хочет совершить самоубийства. Она принципиально никогда не может признать, что другие религиозные деноминации имеют право на место рядом с ней как сестринские церкви с равными религиозными правами”²². Курс католической церкви на нетерпимость был поколеблен Вторым Ватиканским Собором, который 7 декабря 1965 г. принял декларацию “О религиозной свободе” и призвал к диалогу с другими религиями и даже неверующими. Однако, как пишет С.А. Минин, подписанная Иоанном Павлом II в 2000 г. декларация *Dominus Jesus* (одним из ее авторов был Й. Ратцингер, будущий Бенедикт XVI) фактически вернула “дособорную формулу, согласно которой полнота спасения и благодати присутствует лишь в католической церкви”²³.

Столь же твердо отстаивала свою исключительность и Русская Православная Церковь. В связи с царским Указом “Об укреплении начал веротерпимости” от 17 апреля 1905 г., уступкой, вызванной политическими потрясениями, известный специалист по каноническому праву А.С. Павлов заявил: “С чисто церковной точки зрения нет и не может быть веротерпимости”²⁴. Когда в Синод поступил законопроект о свободной пропаганде всех христианских вероисповеданий, его реакция была следующей: “Священный Синод, стоя на страже охранения своих чад от князя тьмы, считает своею священною

обязанностью настаивать на том, чтобы все ныне существующие преимущества православной церкви были неизменно сохранены за нею и впредь и чтобы право свободного распространения своего учения принадлежало только одной православной вере. Сверх того Священный Синод находит, что в целях наивысшего сохранения достоинства христианской церкви и ее служителей от оскорблений и издевательств в наше законодательство должны быть введены ясные и определенные постановления, карающие таковые действия, проявляемые как устно, так и в письме, печати и через посредство театральных и иных зрелищ”²⁵.

Тот же подход сохраняется и в современной России. Он сказывается не только в Законе об оскорблении чувств, но и в убеждении, что православие является единственной истинной верой. «Мы никогда не соглашались с идеей равенства конфессий, а тем более с “теорией ветвей”, говорящей о том, что все христианские общины одинаково питаются от одного корня, — заявляет протоиерей В. Чаплин. — Ведь и покойные митрополит Никодим (Рогов), и Патриарх Алексей II, и нынешний Предстоятель Российской Церкви всегда говорили на межхристианских форумах, что единство православных и инославных достижимо лишь при условии, что последние вернутся к апостольской вере, которую сейчас исповедует Православная Церковь»²⁶. Ряду священнослужителей позиция руководства РПЦ кажется слишком умеренной и примиренческой. Три клирика Ижевской и Удмуртской епархий обращались в марте 2011 г. к Патриарху Кириллу с заявлением, в котором просили «дабы наше священноначалие решительно отмежевалось от ереси ересей последнего времени — “экуменизма”»²⁷. Что же говорить об иноверцах? “Как известно, — разъясняет В. Чаплин, — религии могут быть истинными и ложными. Не все дороги ведут к Богу»²⁸. В. Чаплин считает желательным, чтобы различия между религиями с точки зрения содержания и степени истинности или ложности сказывались на их юридическом статусе. Он задается вопросом, “насколько адекватен современным реалиям принцип равенства религиозных объединений перед законом, который не известен в законодательстве большинства западных стран и появился в постсоветских правовых системах в период наивной ультралиберальной эйфории начала 90-х годов прошлого века”²⁹. (Отметим юридиче-

²⁰ *Серрано С.* Воплощение национального единства или оппозиционная сила // *ProetContra*. 2013. № 5 (60). С. 68.

²¹ *Оганнисян О.* Церковь постикулярная или постсакральная // *ProetContra*. 2013. № 3–4 (59). С. 69.

²² *Baierl J.J.* The Catholic Church and the Modern State. N.Y., 1955. P. 112.

²³ НГ Религии. 2013. 3 апр. С. 5.

²⁴ *Мережковский Д.С.* Собр. соч. Грядущий хам. М., 2014. С. 342.

²⁵ Там же. С. 311.

²⁶ НГ Религии. 2010. 15 сент. С. 3.

²⁷ Там же. 2011. 6 апр. С. 3.

²⁸ Там же. 2012. 1 авг. С. 5.

²⁹ Там же. 2011. 6 нояб. С. 2.

скую неточность этих ссылок. “Ультралиберальная эйфория” была полностью преодолена в Законе “О свободе совести и о религиозных объединениях” 1997 г., который, хотя и провозгласил принцип равенства религиозных объединений, но отступил от него при определении прав религиозных объединений, что отметил ЕСПЧ. Современное законодательство большинства западных стран обеспечивает равенство религиозных объединений в большей степени, чем действующий Закон РФ.)

В отношении основных конфессий к свободе совести также много общего, и оно определяется убежденностью в превосходстве своей религии над всеми другими. В опубликованном Пием IX в 1864 г. списке основных заблуждений, отвергаемых католической церковью, под № 15 значится следующее положение: “Каждый человек свободен признавать и исповедовать ту религию, которую он, руководствуясь светом разума, считает истинной”. “Человек обязан принимать истину, доверенную Христом его Церкви, – разъясняет Дж. Бэйерл. – Он не волен выбирать какие-то другие философские или религиозные убеждения, которые, возможно, покажутся его разуму более приемлемыми”. Признание религиозной свободы Вторым Ватиканским Собором на время ослабило эту традицию, но она вновь утвердилась в эпоху консервативного ренессанса в католической церкви на рубеже XX и XXI вв.

Русская Православная Церковь отвергает свободу совести столь же последовательно, как римско-католическая. До революции, когда православие имело государственный характер, о свободе совести не могло быть и речи. “Отступление” и “отвлечение” от веры были уголовными преступлениями. Церковь и государство преследовали “секты”. В то же время уважалась вера народов, вошедших в состав Российской Империи, в первую очередь мусульманство, но также и разного рода языческие культы. Иудеи подвергались ограничениям, а с начала XX в. и погромам, но их вера не запрещалась. Переход в православие из любого вероисповедания поощрялся. Как отмечал в 1905 г. М.А. Рейснер, российскому законодательству было “чуждо начало quasi-христианской нетерпимости, того гнета, во имя вероисповеданного фанатизма, который лишает права на существование и на ответственное признание все исповедания за исключением христианского или даже одного православного”. Убедительно и объяснение, которое дал этому явлению М.А. Рейснер: “Если наше право с покорением каждого нового народа вводит в состав Русского государства и новые исповедания в качестве признанных, терпимых религий, то оно

делает это отнюдь не по мотивам нравственного свойства и не в силу своего культурного правосознания, а в силу чисто политической необходимости: привязать к составу громадной империи новые нации и народы и захватить их религии в рамки общего государственного управления”. “Наша веротерпимость, – полагает М.А. Рейснер, – в своих основаниях не современная, правовая западная и не христианская вероисповедная, а скорее древнеримская национальная”³⁰. Веротерпимость дореволюционной России выборочная, ограниченная, сочетающаяся с нетерпимостью. И в той мере, в которой она допускалась, к ней относились настороженно. Недаром И.А. Ильин опасался, как бы не привить под видом терпимости безбожие.

Современное отношение РПЦ к свободе совести четко сформулировано в “Основах социальной концепции Русской Православной Церкви”, одобренных Архиерейским Собором в 2000 г. “Утверждение юридического принципа свободы совести свидетельствует об утрате обществом религиозных целей и ценностей, о массовой апостасии и фактической индифферентности к делу церкви и к победе над грехом, – читаем в этом документе. – Но этот принцип оказывается одним из средств существования церкви в безрелигиозном мире, позволяющих ей иметь легальный статус в секулярном государстве и независимость от инаковерующих или неверующих слоев общества”³¹. Оценка диалектическая и реалистическая. Принципиальный подход церкви к свободе совести изложен в первой части приведенного фрагмента: свобода совести – зло, отступничество от веры, грех. Церковь желает лишить человека этой свободы, прикрепить его к определенной религии на основании религиозной принадлежности родителей или одного из них. Вторая же часть оценки свободы совести прагматична. Она исходит из того, что свобода совести – необходимое условие существования церкви в светском государстве, что ее отсутствие при данных обстоятельствах означало бы запрещение религиозной деятельности. Обоснованность этого суждения очевидна. Однако, сопоставляя два элемента оценки, трудно избавиться от впечатления, что, если бы РПЦ удалось осуществить свой идеал града земного, она не позволила бы своим оппонентам пользоваться той свободой, которой сама она располагает в светском государстве.

Такая позиция типична для любой государственной или претендующей на этот статус религии. Как писал протестантский профессор цер-

³⁰ Рейснер М.А. Указ. соч. С. 160.

³¹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Псков, 2001. С. 24.

ковного права В. Кюль, “ограничение свободы совести как результат единства государства и церкви было прочно установлено в протестантских землях не в меньшей степени, чем при византийских императорах или при насильственном господстве папства”³².

И наоборот, религии, у которых нет шансов претендовать на ведущее положение, демонстрируют вполне позитивное отношение к свободе совести и не связывают ее с отступничеством от веры или грехом. Согласно “Основным положениям социальной программы российских мусульман”, разработанным Советом муфтиев России в 2001 г., “право на свободу совести и вероисповедания является необходимым условием и средством добровольного вверения себя Единственному Богу и исполнения Его воли, т.е. исповедания ислама”³³. В “Основах социальной концепции Российского объединенного союза христиан веры евангельской” записано: “Христианская вера поддерживает право человека на свободу совести и вероисповедания и его право выбора, то есть он свободен сам выбрать религию”³⁴.

* * *

Закон о защите чувств верующих, как и старые законы о богохульстве и других религиозных преступлениях, призван оберегать веру от выхонок безбожников. Но ведь и верующие люди, как миряне, так и служители культа, нередко допускают оскорбительные выражения в адрес инакомыслящих, в том числе и религиозных людей. Убежденность в правоте только своей веры, в ее превосходстве над всеми другими этому способствует. Отрицание равенства религий, заявления о том, что есть ложные религии, что не все они ведут к Богу, обвинения в ереси и сектантстве вполне подпадают под признаки оскорбления чувств верующих. Такие обвинения со стороны доминирующих конфессий особенно болезненно воспринимаются сравнительно малочисленными объединениями верующих. Религиозный фанатизм ведет не только к оскорблениям, но и к убийствам, другим тягчайшим преступлениям. Текст закона может создать впечатление, что чувства и мнения

нерелигиозных людей не подлежат защите, что к ним следует относиться как к ущемленным, а верующие вправе третировать и оскорблять нерелигиозных людей. Такие случаи известны. Профессор Московской духовной академии протоиерей А. Кураев заявляет: “Атеизм – это пустота, поэтому атеистические чувства – это только чувство ненависти и ничего больше”³⁵. В учебном пособии для школы “Основы православной культуры” (автор А.В. Бородин), рекомендованном Отделом религиозного образования и катехизации РПЦ и Координационным советом по взаимодействию Министерства образования России и Московской Патриархии РПЦ, приводится стихотворение иеромонаха Романа (Матюшина):

*Без Бога нация – толпа,
Объединенная пороком,
Или слепа, или глупа,
Иль, что еще страшней, – жестока*³⁶.

Разве это не оскорбление неверующих? И, кстати сказать, разве это не лишенное эффективности описание не подойдет в равной (если не большей) степени к толпе религиозных фанатиков?

Устанавливая неравенство мировоззрений и защищая только чувства верующих, Закон ставит под сомнение возможность распространения атеистических и антиклерикальных взглядов. Ведь некоторые верующие, в особенности при поощрении религиозных организаций и органов власти, вполне могут счесть за оскорбление отрицание религии и описание негативных сторон жизни и деятельности служителей культа. Исторические обычаи способствуют формированию таких взглядов. В странах, где существовала государственная религия, в частности в царской России, публичная проповедь атеизма не допускалась. И поныне атеизм и отступничество от господствующей религии сурово наказываются в Саудовской Аравии, Пакистане, Афганистане, Иране, Мальдивской Республике, Мавритании, Судане. В Египте, Иордании, Кувейте, Бангладеш, Индонезии атеистические публикации запрещены полностью или ограничены на основании законов о богохульстве³⁷. Известны попытки международной защиты религии от критики. В декабре 2008 г., Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о борьбе с “диффамацией религии”. Характерно, что страны – члены ЕС голосовали против этого документа³⁸.

³² Kuhl W. Lebzsystemdes Kirchenrechtsundder Kirchenpolitik // Baierl J.J. Op cit. P. 117.

³³ Основные положения социальной программы российских муфтиев. Ярославль, 2001. С. 12; Пчелинцев А.В. Свобода религии и права верующих в современной России. М., 2014. С. 18.

³⁴ Основы социальной концепции Российского объединенного союза христиан веры евангельской. М., 2002. С. 9; Пчелинцев А.В. Указ. соч. С. 18.

³⁵ НГ Религии. 2013. 5 июня. С. 6.

³⁶ Бородин А.В. Основы православной культуры. Учеб. пособие для учащихся. М., 2011. С. 23.

³⁷ НГ Религии. 2013. 6 марта. С. 3.

³⁸ Там же. 2010. 20 янв. С. 2.

Борьба за свободу мысли, слова и совести ведется не только на национальном, но и на международном уровне. В конце XIX в. возникли Всемирный союз свободомыслящих и Международный союз гуманизма и этики. В 2011 г. в Дублине состоялся I Всемирный конгресс атеистов. Была принята Декларация о секуляризме и месте религии в жизни общества, в которой содержалось требование отменить существующие в разных странах законы о богохульстве, ибо они противоречили свободе слова³⁹. Международный союз гуманизма и этики опубликовал документ “Свобода мысли 2012: глобальный доклад о дискриминации гуманистов, атеистов и не придерживающихся традиционной веры граждан”. В нем отмечено, что в ряде государств, считающих себя светскими, при приеме на работу нередко отдают предпочтение верующим, что в нескольких американских штатах атеистам запрещается выступать в общественных заведениях, а в штате Арканзас они лишены права давать свидетельские показания в суде. По данным доклада, в 2012 г. резко возросло число арестов за антирелигиозные высказывания в СМИ и в Интернете. По мнению составителей доклада, в России и Греции православная церковь защищена от критики, а ее представители участвуют в государственных церемониях⁴⁰. Когда составлялся доклад, Закон о защите чувств верующих еще не был принят.

Наряду с декларируемой целью Закон способствует выполнению еще двух не менее важных, хотя и не афишируемых функций: укреплению позиций крупнейших религиозных организаций и ограничению возможностей атеистической пропаганды при отсутствии определенного запрета на ее ведение. Последняя задача прямо ставилась религиозными кругами. Выше упоминался документ “Отношение РПЦ к преднамеренному публичному богохульству и клевете в адрес Церкви”, принятый Архиерейским Собором РПЦ в феврале 2011 г. Опасность этих явлений, как, впрочем, и неклеветнической критики, состоит в том, что они могут использоваться “для укоренения в массовом сознании антицерковных идей”⁴¹. Вот четко определенная цель — остановить распространение антицерковных настроений. Закон о защите чувств верующих ориентирован на решение этой проблемы. Однако активисты РПЦ, не связанные официальным статусом, предлагают и более радикальные средства. А. Ципко пытается уничтожить современный российский атеизм идейно, утвер-

ждая, что он лишен социальной и нравственной основ. “Воинствующие атеисты”, по его мнению, не могут создать “вменяемый центр в России, где около 60% населения связывают свою русскую идентификацию с православием, с государственно-образующей церковью”⁴². Что касается нравственной недопустимости атеизма, она объясняется возможностью его соединения с “марксистским взглядом на бунт как на праздник истории, если Бога нет, то все дозволено, и прежде всего — право на бунт, на кровь”⁴³. (А. Ципко был марксистом давно и забыл, что в марксизме есть не только право на бунт. Не учел он и своеобразного развития марксизма КПРФ, соединившей учение К. Маркса с православием и выступившей вместе с другими думскими фракциями инициатором создания группы поддержки православных ценностей).

А. Ципко воюет с атеизмом идейными средствами. А вот практически мыслящий юрист И.В. Понкин предлагает государственной власти принимать с той же целью конкретные меры. «Если рассматривать право на атеистические убеждения как право не исповедовать никакую религию, то таковое закреплено в статье 28 Конституции РФ и пункте 1 статьи 3 Федерального закона “О свободе совести и о религиозных объединениях”, — пишет он. — Если же атеизм рассматривается как возможность ничем не ограниченной критики религии, религиозных объединений и верующих, то государство не только не вправе оказывать такой форме атеизма какую-либо поддержку или давать какие-то преимущества, но и должно всемерно ограничивать реализацию права на атеистические убеждения в таком его понимании в силу закрепленного в части 2 статьи 29 Конституции РФ запрета на пропаганду или агитацию, возбуждающую национальную или религиозную ненависть или вражду»⁴⁴. Современные атеисты претендуют не на привилегии, а на равное с верующими право отстаивать и распространять свои убеждения. В этой связи ч. 2 ст. 29 следовало бы толковать расширительно — как запрещающую возбуждение ненависти и к атеистам. Это — вариант религиозной ненависти, принципиально ничем не отличающийся от ненависти к другой вере, ибо в основе ее лежит отрицание определенного отношения к религии. Рассуждения И.В. Понкина очень напоминают позицию М. Лютера, который, начав с провозглашения принципа свободы

³⁹ Там же. 2011. 15 июня. С. 3.

⁴⁰ Там же. 2013. 6 марта. С. 3.

⁴¹ Там же. 2011. 2 марта. С. 2.

⁴² Независимая газ. 2012. 22 июня. С. 5.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Понкин И.В. Современное светское государство. Конституционно-правовое исследование. М., 2006. С. 65.

веры, после создания своей церкви перешел к преследованиям религиозного инакомыслия, за что и был прозван Т. Мюнцером “виттенбергским папой”. Власть не должна наказывать за мнения, полагал Лютер, но она борется с их публичным выражением.

Напрашивается сравнение позиции И.В. Понкина с отношением советской власти к свободе совести. Все советские конституции ее провозглашали, но Программа РКП(б) 1919 г. ставила цель освобождения трудящихся масс от “религиозных предрассудков”. Теоретически эту задачу можно было бы решать с уважением к свободе совести. Но этого не случилось. С религией велась постоянная борьба с периодическим применением крайних мер и с короткими передышками. Свобода совести ограничивалась даже на законодательном уровне. Постановление ВЦИК и СНК СССР “О религиозных объединениях” от 8 апреля 1929 г. сводило их деятельность к удовлетворению культовых потребностей, лишало их возможности распространять свои взгляды, участвовать в общественной жизни. В связи с этим в том же году был изменен текст ст. 4 Конституции РСФСР. Вместо “свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды” была введена новая формула: “свобода религиозных вероисповеданий и антирелигиозной пропаганды”. Религиозная пропаганда тем самым ставилась вне закона, хотя и в косвенной форме. Конституция СССР 1936 г., сохранив “свободу антирелигиозной пропаганды”, во избежание кривотолков и увлечения “свободой вероисповеданий” заменила их “свободой отправления религиозных культов”. Конституция СССР 1977 г. (ст. 52) ближе к тексту ст. 4 Конституции РСФСР в редакции 1929 г. В ней речь идет о праве исповедовать любую религию и вести атеистическую пропаганду. Итак, свобода совести для верующих сводится к праву на убеждения и отправление религиозного культа. Право пропагандировать свои взгляды принадлежит только атеистам. При явной политической противоположности установок советской Конституции и И.В. Понкина их объединяет принципиальная общность подхода: свобода высказывания должна принадлежать только людям, организациям, движениям, угодным власти.

Сведение свободы совести только к мысли, убеждению равнозначно ее отрицанию. Свобода размышления, внутреннего монолога не нуждается в юридическом признании. Это – неотъемлемое свойство человека, которого его не в состоянии лишить даже самая полная и жестокая тирания. Человеку нужно гарантировать свободу слова, т.е. публичного выражения мысли. И именно к

этому сводится содержание всех современных актов о правах человека. Что же касается опасности ничем не ограниченной атеистической пропаганды, автор “конституционно-правового исследования” мог бы знать, что идея ничем не ограниченной свободы чужда праву, что Конституция РФ и международно-правовые акты давно определили основания ее ограничения.

* * *

В защите чувств верующих от оскорблений в Российской Федерации еще до вступления в силу соответствующего закона выявилась характерная тенденция: ее осуществляют люди, движения, организации, не причастные к государственной власти. Они возложили на себя функцию охраны веры и нравственности и действуют самоуправно, нередко нарушая в грубой форме законы, общественный порядок, права граждан. СМИ дают немало примеров подобной активности. Один из самых нашумевших и ранних случаев – погром на выставке “Осторожно, религия” в музее и Общественном центре имени Андрея Сахарова в январе 2003 г. с уничтожением ряда экспонатов, учиненный группой из шести человек, двое из которых были задержаны на месте преступления, и против них было возбуждено уголовное дело по обвинению в хулиганстве. В августе того же года Замоскворецкий суд Москвы признал возбуждение уголовного дела против двух погромщиков незаконным. Зато в марте 2005 г. Таганский суд Москвы приговорил организаторов выставки к штрафу, обвинив в разжигании национальной и религиозной розни⁴⁵. Вступивший в законную силу приговор может обсуждаться только с моральной точки зрения. Но даже если признать его справедливым, значит ли это, что люди, боровшиеся с возбуждением религиозной розни хулиганскими методами, не подлежат ответственности? Происшествия того же рода периодически повторяются. На том же основании борьбы с оскорблениями веры и верующих или богохульством устраивались погромы в штабе партии “Яблоко” (с публичным сожжением изъятой якобы антирелигиозной литературы), в музее Дарвина, предпринимались попытки сорвать проведение выставок авангардного искусства, театральных представлений в Москве и других городах и даже митинги граждан, протестующих против

⁴⁵ Не лишено интереса, что, по утверждению руководителя группы, разгромившей выставку, архиепископ Истринский Арсений обещал после успешного завершения процесса наградить участников подвига, но не выполнил обещания (см.: портал “Религия и СМИ”. 2006. 14 апр.).

строительства храмов на месте городских скверов. В этих действиях принимали участие такие организации или движения, как “Божья воля”, “Сорок сороков”, Союз православных единоборцев, “Святая Русь”, “Православные дружины”, “Православные патрули”, “Казачьи патрули” и т.п. Увлечение этих движений единоборством и боевыми искусствами не случайно. Они проявляют склонность к применению силы, что не раз приводило к вмешательству полиции и ОМОН⁴⁶. Православные активисты заходят столь далеко, что РПЦ сочла необходимым выразить неодобрение некоторым их действиям. 15 марта 2013 г. Всемирный Русский Народный Собор, возглавляемый Патриархом Московским и всея Руси Кириллом, принял заявление о том, что он не может солидаризироваться с акцией группы радикалов, совершенной в штаб-квартире партии “Яблоко”, и “обращается ко всем общественным силам России с призывом безоговорочно осудить вандализм любого типа, в какие бы идейные одежды он ни рядился”⁴⁷.

Тем не менее сотрудничество с силами, охотно прибегающими к вандализму, продолжается. Речь идет о вовлечении в христианское движение тех людей, которые, по словам В. Чаплина, “сегодня составляют уличную стихию”, в частности представителей спортсменов и спортивных болельщиков. На заседании XVIII Всемирного Русского Народного Собора в ноябре 2013 г. Патриарх Кирилл заявил, что “нужно искать методы взаимодействия с так называемой уличной молодежью, с теми, кто отличается юношеским максимализмом, кто тяготеет к сплоченным подростковым сообществам, кто остро переживает дисбаланс в вопросах социальной политики и в межличностных отношениях”. В Соборе участвовали представители Объединения спортивных болельщиков. Одним из первых опытов их сотрудничества с РПЦ была акция исторической памяти “Быть русским” на территории городища Старая Рязань 23 августа 2013 г.⁴⁸ Как сообщил В. Чаплин, “фанаты выдвинули идею создания часовен при стадионах”, одобренную церковью. Избавит ли церковь фанатское движение от агрессивности или оно станет пополнением ревнителей веры, ориентирующихся на насилие и вандализм, — покажет будущее. Двойственность отношения РПЦ к этим явлениям раскрывает в своем “Живом журнале” диакон А. Кураев: “Погромы и самосуды — это

действия социально слабых людей... Серьезнее другое: то, что такого рода акции повторяются без какого-либо внятного, сурового одергивания со стороны церковной власти, означает, что это кому-то нужно”⁴⁹.

То же самое следует сказать и о позиции государства. Деятельность православных активистов приобрела такой размах, что их начинают опасаться. Не согласные с ними граждане, по выражению публициста С.А. Минина, не могут быть уверены, что их “не огреют духовной скрепой по голове”⁵⁰. Государство сохраняет полную невозмутимость. Оно бездействует даже тогда, когда необходимость применения по меньшей мере административных мер кажется очевидной. Максимум, на что стражи порядка идут, — доставка наиболее ярых “защитников религиозных ценностей” в отделение полиции.

* * *

С момента одобрения Закона о защите чувств верующих прошло два года. Пока неизвестно ни одного случая его применения, хотя попытки такого рода время от времени возникают. Возможно, это свидетельствует о его превентивной силе. Но считать этот Закон “дремлющим”, как называли законы о богохульстве в тех странах, где десятки лет не было соответствующих судебных процессов, нет оснований. Неотмененный закон в любой момент может быть приведен в действие.

Как и законы о богохульстве и иных религиозных преступлениях, аналогом которых является российский Федеральный закон от 30 июня 2013 г., последний защищает не столько чувства верующих, сколько деятельность религиозных организаций и определенные политические интересы. Применительно к старому законодательству разных стран это давно отмечено исследователями. В нашем варианте это — интересы традиционного российского консерватизма, который всегда отличался монархизмом и клерикализмом. Предоставляя религиозным чувствам особую защиту, которой лишены иные чувства и взгляды, Закон устанавливает для религии статус привилегированного мировоззрения. Мировоззрение, которому покровительствует государство, рано или поздно превращается в государственную идеологию. Закон о защите чувств верующих — еще один шаг в этом направлении.

⁴⁶ См.: НГ Религии. 2013. 3 апр. С. 14; 2013. 19 июня. С. 1; 2013. 8 нояб. С. 3 и др.

⁴⁷ Там же. 2013. 21 марта. С. 3.

⁴⁸ Там же. 2013. 19 нояб. С. 2.

⁴⁹ Живой журнал о. Андрея.

⁵⁰ Независимая газ. 2014. 8 окт.